

До сих пор где-то
на дне Черного моря
покоится статуя коня
Митридата из чистого
золота с камнем
бессмертия внутри...

Ольга БАСКОВА

Золотой конь Митридата

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Золотой конь Митридата

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Золотой конь Митридата / О. Баскова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-099563-9

Самым известным сокровищем легендарного царя Митридата считалась статуя его коня в полный рост, отлитая из золота. Но куда этот конь исчез, никому не известно. Возможно, об этом сказано в древнем пергаменте, который оставил своей вдове Ларисе профессор истории Станислав Красовский. Одним из его жизненных принципов было не выходить в море в шторм, поэтому, когда Ларисе сообщили о том, что ее муж во время грозы разбился на яхте, она не поверила. А вскоре сомнений у нее только прибавилось...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099563-9

© Баскова О., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ольга Баскова

Золотой конь Митридата

© Баскова О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Синопа, 111 год до н. э.

Лаодика развалилась на ложе, покрытом белоснежными простынями, и задумчиво глядела в потолок. Черный маленький паучок полз к окну, шевеля крохотными лапками, и она подумала, что ему не спастись. Слуги, тщательно следящие за чистотой, уничтожат его, а этого нельзя делать. Кто-то говорил, что в этом краю нет ядовитых пауков, и лучше их не трогать. Убьешь – плохая примета. Но, как бы то ни было, несчастное членистоногое – пленник в четырех стенах, и ему не выбраться без посторонней помощи. Как и ей. На гладком белоснежном лбу царицы появились морщины, и начальник телохранителей Мнасителей, возлежавший рядом на влажных смятых простынях, озабоченно посмотрел на любовницу, еще минуту назад дарившую ему горячие ласки.

– Что случилось?

Она приподнялась на локте, и Мнасителей залюбовался ее красотой, поистине божественной: прямой нос, округлый лоб, на который крутой волной падали светлые кудри. Большие глаза оттенялись длинными ресницами, сочные чувственные уста цвета густого вина манили припасть к ним, испить сладкую влагу.

– Как ты хороша! – вырвалось у него, и Лаодика недовольно взглянула на любовника.

– Красота не сделала меня счастливой. – Она откинула волосы, водопадом упавшие на плечи. – Я была счастлива только в детстве, со своей семьей. А потом... А потом наступила тьма, из которой мне уже не вырваться.

По его недоуменному взгляду женщина видела, что любовник ее не понимает. Ее никто не понимает, все думают – раз царица, значит, бесится только с жиру. Ну в самом деле, чего ей не хватает? Любящий муж, исполняющий любые желания, красивые дети, роскошь... Им, этим глупым людям, невдомек, что она пленница в роскошном дворце супруга. То ли дело дома, в Селевкии, где она родилась, на берегу полноводной реки Оронты! Свобода, свобода, ничем не стесненная! Перед ее глазами прошли подруги, с которыми она любила играть и танцевать, учителя, обучавшие игре на кифаре и грамоте. Она слыла прилежной ученицей, хотя ее отец, сирийский царь Антиох Эпифан, не слишком принуждал дочь к наукам. Он знал: ее удел – замужество, но не по любви – по любви цари и царевны не женятся, – и потому никогда, как и ее мать, не интересовался, кто пленил взоры царевны. Она вспоминает глаза и улыбку юноши с маленького острова, который пел ей песни о любви и море, но никогда не смел взять ее за руку – ведь она царская дочь! И уж точно не ему стать ее суженым. Впрочем, и Антиох долго размышлял, за кого выдать дочь-красавицу, чтобы укрепить свое царство. Много приходилось ему воевать, со всех сторон наступали враги: из-за Тигра – парфяне, из пустынь – пропахшие зноем, загорелые до черноты арабы. Некогда могучее государство Селевкидов грозило утратить владения в Малой Азии. На кусочек его территории – Келесирию – поглядывал Египет, а алчные римляне давно облизывались на всю территорию и делали все, чтобы Селевкидская держава утратила мощь. После долгих раздумий о судьбе страны Антиох решил сблизиться с понтийским царем Митридатом, не раз дававшим римлянам отпор и не признававшим их политику. Как только отец объявил ей об этом, она, рыдая, бросилась к его ногам, крича:

– Отец, вы желаете моей смерти...

Но у царя не дрогнул ни один мускул на морицинистом лице, и Лаодика поняла: как бы он ни любил ее, она всегда была разменной монетой в его политике. И послушаться его она не имела права: от нее зависела судьба страны, судьба ее народа. Так бедняжка отправилась на побережье Понта Эвксинского и стала понтийской царицей. Она сразу невзлюбила мужа и его подданных, диких – как ей казалось – язычников. Ее не радовало море, даже цветом отличавшееся от того, что омывало побережье ее родной страны, горы и леса вызывали раз-

дражение. Весточки от родных приходили редко, и в них она не чувствовала тепла и тоски по ней. Родители сообщали лишь о войнах и о своем здоровье, наверное, считая, что дочери хорошо. Впрочем, теперь она была бы рада любой весточке, да посылать их уже давно некому. Сначала умерла мать, всегда, как она думала, бывшая не царицей, а служанкой при муже, не имевшей права замолвить словечко даже за детей, потом отец, и на трон возшел ее старший брат Антиох, тоже вскоре почивший. Ушли все, кто ее любил. Правда, остался младший брат Деметрий, в конце концов занявший престол, но он никогда не был близок с сестрой. К тому же скоро прилетела весть о его гибели. Кто царствовал сейчас в ее стране, она не знала. Слишком много царей сменилось за короткое время.

– Я знаю, что тебя тревожит, – сочный грудной голос Мнаситея вторгся в ее мысли. – Ты скорбишь о том, что за многие годы, проведенные здесь, так и не стала настоящей царицей. И я с тобой согласен.

– Что ты имеешь в виду, Мнаситей? – грозно спросила Лаодика, касаясь его тела, сплошь состоявшего из мускулов. – Говори!

– Ты никогда не любила Митридата Эвергета в отличие от знати и народа, – начал он. – Ты никогда не задумывалась, царица, почему его прозвали Эвергетом? Это значит благодетель. Он образован, приносит жертвы богам, играет на нескольких музыкальных инструментах – и все же тебе не мил, потому что не разделяет с тобой власть. Ты мать его детей – и только.

– Откуда ты это знаешь? – спросила она презрительно. – Разве я кому-нибудь жаловалась?

– А мне не нужны твои жалобы, чтобы узреть очевидное. – Он погладил черную бороду. – Ты несчастна, а я хочу всего лишь предложить тебе совет. Избавься от мужа.

Она вздрогнула, гладкий мраморный лоб покрылся потом. Ей показалось, что позолоченный грифон на стене напрягся и оцетинился, услышав такие крамольные речи.

– Ты с ума сошел!

– Нет, я размышляю как никогда здраво, царица, – продолжал Мнаситей. – Покончи с супругом и взойди на трон. Ты достойна этого.

Лаодика закрыла глаза. Длинные ресницы трепетали на мраморных щеках.

– Как это сделать? – прошептали ее сочные губы.

– Сегодня я принесу тебе одно снадобье. – Начальник телохранителей наклонился к самому ее уху. – С завтрашнего дня ты станешь подливать его в еду царю. Он умрет не сразу, сначала заболит, и на тебя никто не подумает.

Она провела рукой по вспотевшему лицу:

– А если он догадается?

– Никто не догадается, царица, – заверил ее Мнаситей. – Сначала ты покончишь с ним, потом со старшим сыном Митридатом, которого твой супруг уже благословил на трон. Дочерей и твоего второго сына бояться нечего. Ты позаботишься о том, чтобы девочки поскорее вышли замуж и покинули царство, а твой младший очень болезненный, и Аид вскоре забереет его в свое царство без нашей помощи.

– Муж составил завещание. – Лаодика приподняла волосы. – В нем он назначает опекунами сыновей преданных царедворцев. Твоего имени там нет, как и моего...

Мнаситей оскалится, показав белые ровные зубы.

– Завещание можно подделать, – проговорил он и поскреб щетинистую щеку. – Это нетрудно. Ну, решайся.

Она села, белоснежная простыня сползла с тела античной богини. Начальник телохранителей залюбовался ее совершенными формами. Вот это женщина! Только бы она послушала его, только бы избавилась от супруга! Лаодика резко повернулась к нему, и упругая грудь гранатовыми сосками нацелилась ему в лицо.

– Думаешь, я не знаю, что ты тоже заинтересован в его смерти? – ехидно спросила женщина. – Ты и твои друзья давно снюхались с римлянами и мечтаете о времени, когда они поробуют и нас.

Мнасией откинулся на мягкие пуховые подушки.

– Допустим. – В его голосе не слышалось ни капли раскаяния. – Римляне на данный момент самые сильные в мире. Нужно держаться сильных, это известно всем. А твой супруг с полководцем Дорилаком Тактиком собирает новое войско, чтобы, как он говорит, покончить с притязаниями римлян на государство Малой Азии. Поверь, это приведет к тому, что нас действительно поробуют. Но если мы встанем на их сторону, то сможем диктовать им свои условия. Ну, соглашайся же, или из царицы превратишься в римскую наложницу.

– Я согласна, – прошептала она. – Я согласна.

– Тогда завтра... – любовник не успел закончить фразу. В дверь покоев тихо постучали. Оба знали, что это опахальщик, преданный царице.

– Приехал ваш супруг, госпожа! – проговорил он.

Мнасией молниеносно вскочил с ложа:

– Одевайся. Мы не должны вызвать подозрение. В полдень приедешь к храму Афины. Я принесу снадобье.

– Да. – Лаодика накинула разбросанные одежды, вывела любовника в коридор и отправилась встречать мужа. Он и сам спешил навстречу, высокий, плечистый, всегда напоминавший ей статую Зевса. Старший сын, двенадцатилетний Митридат, поразительно похожий на отца, шагал рядом, стараясь не отставать. Во дворце ни для кого не было секретом, что Митридат – любимец царя. Отец нанимал ему лучших учителей, обучавших ребенка нескольким языкам, игре на музыкальных инструментах, верховой езде, этикету. Злые языки шептали, что Митридат Эвергет выделяет старшего отпрыска, потому что при его рождении над спальней повисла огромная комета. Получается, уже сызмальства Митридат-младший был отмечен богами, правильнее сказать, самим Зевсом-громовержцем, и кто, как не он, должен занять царский трон.

Отец и сын поздоровались с Лаодикой и направились в трапезную. Рабыни, молодые и не очень, хорошенькие и уродливые, суетились, уставляя едой маленькие столики. Пахло оливками, рыбой, жареной птицей. На апоклинтрах, специальных стульях, сделанных так, чтобы сидящим на них не нужно было двигаться, уже возлежали две Лаодики-младшие, названные по традиции в честь матери и поразительно не похожие друг на друга. Старшая взяла от родителей лучшее и обещала по красоте превзойти мать, а младшая, гадкий утенок, тощая, нескладная, с длинным носом и большим ртом, вызывала вопросительные взгляды и удивление: как такой ребенок мог появиться у красавцев-родителей? Второй Митридат (оба мальчика звались в честь отца), болезненный, измученный, худой, до сих пор живший на женской половине, выглядел бледной копией брата, карандашным наброском старшего, розовощекого, синеглазого, с гибким тренированным телом. Он лишь слабо улыбнулся, поприветствовав отца. Эвергет боялся прикоснуться к нему, поэтому отложил занятия, которым обучали каждого мальчика, особенно знатного происхождения, на неопределенное время. Слабенький, гибкий и тонкий, как былинка ковыля, мальчик не усидел бы в седле, не поднял меч. Память его отказывалась запоминать алфавит, и родители тешили себя надеждой, что у него все еще впереди. Врач, неотлучно находившийся при мальчике, каждый день сообщал о состоянии его здоровья, и порой его сообщения были обнадеживающими.

Для трапезы царской семьи сдвигали три апоклинтра буквой «П», а с четвертой стороны рабы подносили столики с едой, угощенья и вина. Митридат омыл руки в круглой серебряной чаше, подождал, пока красивая рабыня Валерия, иногда делившая с ним ложе, плеснет ему вина, пригубил его, медленно, смакуя вкус, плеснул немного на пол, совершая возлияние богам, и Лаодика почувствовала тошноту. Завтра, завтра ей принесут яд, и она нальет

его перед обедом вот в этот самый золотой кубок, доставшийся мужу по наследству от отца. Никто никогда не смел прикасаться к нему, поэтому нечего бояться, что кто-то другой отведаст питье вместо него. Лаодика опустила глаза, катая по скатерти оливку черного цвета с укусуным запахом. О боги, пошлите ей силы!

– Ты ничего не ешь, что с тобой? – Митридат Эвергет заботливо посмотрел на жену. – Почему?

Она дернула обнаженным левым плечом с крошечной черной родинкой:

– От запаха жареной рыбы меня тошнит.

Царь улыбнулся, и его мужественное лицо посветлело:

– Возможно, у меня будет наследник?

Лаодика вздрогнула, оливка упала на пол, оставив темный след на белоснежном мраморе.

– Не думаю, – ответила она. – Просто болит голова.

Эвергет вздохнул и обратил взор на детей. Девочки, обе Лаодики, ели изящно, отрывая от куропатки маленькие кусочки и складывая кости на пол. Старший, Митридат, жадно рвал хорошо прожаренное мясо, а младший сидел, погруженный в свои думы, глядя на нетронутую еду. У него никогда не было аппетита, и родители силой заставляли его съесть хотя бы кусочек. Заметив напряженный взгляд отца, он немного пожевал крылышко куропатки и закашлялся. Врач, всегда бывший рядом, во время трапезы скромно сидевший в углу, подбежал к своему подопечному и заставил его принять какой-то порошок. Ребенок покорно выпил, и на его бледном одутловатом лице отразилось страдание.

– Не лучше ли ему лечь в постель? – произнесла царица. Врач, седобородый, плотный, с пронзительными серыми глазами, закивал:

– Да, так будет лучше.

Он помог ребенку встать и повел его в покои. Митридат-младший еле передвигал ноги. Эвергет поморщился, глядя на немощного сына, вспомнив слова повитухи, принимавшей роды у жены:

– Этот долго не протянет. Денька два-три, не больше.

Но мальчик цеплялся за жизнь, состоявшую из простуд, припадков, худенькими прозрачными ручонками, покорно принимал лекарства и вот уже десять лет влачил жалкое существование. Какая противоположность брату! Несмотря на то что в обществе презирали слабых, отец и мать любили его и делали все, чтобы облегчить страдания несчастного. Старший сын проводил брата равнодушным взглядом и посмотрел на сестер. От отца он недавно узнал, что по традиции придется жениться на Лаодике-младшей, уродливом существе с кривыми желтоватыми зубами, и от этой мысли его передергивало. Он уже достиг двенадцатилетнего возраста, и его наставник рассказал мальчику о плотской любви. И этим предстоит заниматься с уродливой сестрой, вдыхать пряный запах ее мышинных волос? Отец, услышав его сетования, посмеялся и сказал, что позже Митридат может взять в жены любую приглянувшуюся девушку. Но это потом. Брака с Лаодикой избежать нельзя. Это традиция, а традиции нужно чтить.

Лаодика заметила пристальный взгляд брата и показала ему язык. Мальчик хотел запустить в нее оливкой, но передумал. Это горю не поможет. Он взял бокал и залпом выпил разбавленное вино. Эвергет уже закончил трапезу и вместе с Лаодикой прошествовал в покои. Митридату не хотелось отдыхать, и он вышел во дворик, побродить по саду, а потом наведаться к любимому коню. Дойдя до скамейки, наполовину скрытой серебристыми ветвями лоха, он присел на нее, спасаясь от полуденного зноя, и с удивлением увидел, как его мать крадучись идет к выходу. Это насторожило мальчика. Почему крадучись? В конце концов мать – царица и должна гордо носить красивую голову. Так, как шла она, ходили только люди,

замышлявшие что-то нехорошее, во всяком случае, он так считал. Что же замыслила его мать?

Прячась в тени мандариновых деревьев, он направился за ней. Поднимаясь по дороге, ведущей в гору, Лаодика несколько раз воровато оглянулась, но не заметила сына, идущего за ней по пятам. Дойдя до храма Афины, выделявшегося мраморными колоннами, женщина остановилась. Митридат притаился в зеленом колючем терновнике, не обращая внимания на уколы острых шипов. Пахло сухой травой, тишину нарушали цикады, выводявшие древние, как мир, песни. Когда из-за толстого ствола эвкалипта вьнырнул Мнасией, Митридат затаил дыхание. Что здесь делает этот человек? Неужели пришел на свидание к его матери? Он старался не пропустить ни единого слова, но все равно ничего не расслышал. Эти двое шептались, как заговорщики, Мнасией передал Лаодике какой-то коричневый сосуд, что-то долго объяснял. До Митридата донеслись лишь прощальные слова начальника телохранителей:

– Помни, от этого многое зависит.

Мать сверкнула глазами, согнулась и, не попрощавшись, направилась во дворец, осторожно шагая по протоптанной тропе. Мальчику захотелось догнать ее, схватить за волосы и выведать тайну – он был уверен, что мать что-то скрывает. Однако сделать это Митридат не решился. Тогда ему было невдомек, что такой поступок мог изменить многое. Проводив мать до дворца, мальчик пошел к конюшне, где его уже ожидал наставник. В душе боролись противоречивые чувства: любовь к матери и желание разоблачить ее. Может быть, все рассказать отцу? Но что, если в ее действиях нет ничего преступного? Тогда над ним посмеются, и прежде всего будущая жена. Нет, лучше никому ничего не говорить, во всяком случае, пока. Он последит за матерью, а потом решит, как быть дальше.

Мальчик продолжил путь к конюшне, где его ожидал мужчина с белым шрамом под глазом, выделявшимся на его смуглом лице. Это был храбрый воин и наставник Митридата Тирибаз, обучавший его по поручению отца всему: верховой езде, владению мечом, стрельбе из лука. В отличие от других учителей Тирибаз не разлучался с Митридатом, даже спал с ним в одной комнате. Увидев озабоченное лицо царского сына, Тирибаз участливо заглянул ему в глаза:

– Что случилось?

Мальчику до смерти хотелось поделиться с учителем, но он понимал, что это не только его тайна. Царевич ответил как можно равнодушнее «ничего», и Тирибаз не стал пытаться его дальше. Главное, жизни его воспитанника ничто не угрожает. А секреты... что ж, у двенадцатилетнего мальчика они могут быть. Воин похлопал его по плечу и сказал:

– Начнем с верховой езды. Я уже оседлал тебе коня.

Дивноморск, 2017

В ту прохладную влажную июньскую ночь за окном жалобно и назойливо щебетала какая-то птица. Лариса, проснувшись, с тревогой прислушалась к шумам в саду и доме. Она никак не могла привыкнуть, что дачный дом, небольшой, двухэтажный, с красной черепичной крышей и овальными окнами, густо оплетенный диким виноградом, делавшим его похожим на жилище гномов, такой уютный и такой загадочный, постоянно был наполнен звуками. Ей казалось, что в нем всегда присутствовал шум, возможно, рожденный сном или воображением. Но сейчас шум напоминал шелест дерева о дерево, будто кто-то сначала открыл дверцу гардероба, потом выдвинул ящик тумбочки. Не выдержав, женщина испуганно вскочила. Когда на втором этаже пронзительно хлопнула оконная рама, ринулась наверх и, увидев, что все в порядке, тут же успокоила себя:

– Это ветер, это всего лишь ветер. Штормовое предупреждение. Так говорили по телевизору.

Однако от этих слов ей не стало лучше, и, преодолевая страх, она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и закрыла окно, подумав о том, что никогда не стала бы ночевать одна на даче, если бы ее не просил об этом Стас. Три дня назад, уезжая в командировку, супруг сказал, глядя ее медные волнистые волосы:

– Я понимаю, ты не любишь находиться здесь одна. Но прошу тебя, не уезжай домой, пока меня не будет. Я хочу вернуться сюда. Тебе известно, как я люблю этот дом, с каким удовольствием работаю на свежем воздухе. Все мои лучшие научные работы были написаны здесь... А кроме того, на даче я отдыхаю душой.

И она послушно осталась. Стас обещал вернуться еще вчера, однако не вернулся, не звонил и – самое удивительное – не брал трубку. Смутные подозрения, что он не в командировке, опять закрались в душу. Действительно ли он уехал по делам или в их привычную размеренную жизнь вкралась какая-то женщина? Подозревать мужа в неверности были основания. Иногда – или ей только казалось? Да нет, вряд ли – от него пахло тонкими французскими духами «Клима». Она хорошо знала этот запах – феерию воздушных, сладких и терпких нот – такими душились уверенные в себе, состоявшиеся дамы. Красовская предпочитала «Нино Риччи». «Клима» душилась ее покойная мама, и этот аромат всегда витал в воздухе их старой квартиры. Сейчас эти духи были редкостью, но некоторые интернет-магазины еще предлагали их за баснословную цену. Следовательно, их можно было достать. Следовательно, спутница ее мужа могла ими душиться. Естественно, Лариса спрашивала о запахе, так некстати доносившемся с ворота безупречно чистой рубашки, перебивая мужнин «Кензо», однако Стас только отшучивался: дескать, была конференция, после нее банкет, а потом все, изрядно выпивши, прощались и обнимались. Разумеется, были и женщины. Но ведь в дружеских объятиях нет ничего зазорного, верно? Лариса, слушая мужа, и верила, и не верила. Она страшно боялась, что в один прекрасный день умный и обаятельный, чертовски похожий на Тома Круза Стас ее бросит, найдет помоложе и покрасивее, например, среди своих студенток, и тогда... Тогда лучше умереть, чем жить на свете совсем одной. За десять лет брака они не родили детей, потому что этого не хотел Стас (хотя, наверное, думал), а Лариса боялась даже заикнуться об этом. И тем не менее между ними всегда стоял безмолвный Вопрос о детях, именно Вопрос с большой буквы, стоял как живой человек, иногда напоминая о себе криками племянника, играми соседских детишек и ничего не значащими намеками. Когда-нибудь, но не теперь... А теперь ей уже тридцать восемь. Муж еще мужчина в соку, а она... Бесплодная смоковница, так, кажется, говорил один азербайджанский писатель, имея в виду ей подобных. Пустоцвет – это уже по Толстому.

Безрадостные мысли молнией промелькнули в голове, и женщина, вздохнув, стала спускаться вниз. Одернув шелковую ночную рубашку, она присела на кровать, ища глазами старый круглый будильник, и, не найдя, скользнула под простыню, однако уснуть ей помешал звонок мобильного телефона, так нелогично ворвавшийся в темную тишину.

Лариса вскочила, с испугом протянув руку к коричневой сумочке из крокодиловой кожи, матово поблескивавшей в свете мертвецки бледной луны, – подарку Стаса на тридцатилетие, висевшей на стуле.

– Стас?

– С вами говорит следователь майор Сергей Никитин, – отчеканили в трубке. Голос был бесстрастным, словно у робота. – Вы Лариса Красовская?

Сердце тревожно забилося, словно птица, попавшая в силки:

– Да. А что случилось?

– У меня для вас неприятное известие, – проговорил полицейский. Его голос по-прежнему отдавал металлом и не предвещал ничего хорошего.

Она прерывисто задышала:

– Говорите же...

– Ваш муж, – Никитин сделал паузу, словно набирая воздух в грудь.

– Что, что с ним?

– Его больше нет, – выдохнул он. – Вы должны...

Лариса перебила его, нервно рассмеявшись:

– Нет? Этого не может быть. Он в командировке...

– Выслушайте меня, прошу вас, – почти умоляюще попросил майор. – Ваш муж погиб...

Утонул...

Лариса замерла лишь на мгновение, потом расхохоталась. Смех гулко разнесся по комнатам:

– Утонул? Что за чушь? Стас прекрасно плавал. Это какая-то ошибка.

– Он вышел на яхте в бушующее море, – терпеливо объяснил полицейский. – Судно затонуло. Вероятно, ваш муж пытался добраться до берега, но его долго било о прибрежные скалы. Лицо достаточно сильно изуродовано. Вам придется проехать на опознание. Собирайтесь. Через час я за вами заеду. Скажите мне адрес вашей дачи.

Механически называя дом и улицу, Лариса все еще не могла поверить в услышанное. Утонул, выйдя на яхте в шторм? Она потеряла влажные виски, вздрогнула, почувствовав пульсацию крови. Этого не может быть, потому что не может быть. В этом женщина была уверена, как в своем имени. Стас не мог выйти на яхте, которую они часто арендовали у одного приятеля, в шторм. Не выходить на яхте в шторм составляло одно из его неписаных правил. Всего их было два. Еще он никогда не садился за руль пьяным и строго-настрого запретил это делать жене, каждый раз напутствуя:

– Не скупись и вызывай такси, если уж попала в такую ситуацию.

В такую ситуацию Лариса ни разу не попадала, потому что практически не пила, разве что глоток кагора по большим праздникам, чаще всего церковным. От шампанского, даже самого дорогого, кружилась голова, тошнило, водка вызывала отвращение. А потом она и вовсе продала свою машину – ненавидела сидеть за рулем. А вот Стас любил пропустить стаканчик-другой красного крымского вина, неважно какого, в зависимости от ситуации, и частенько приезжал домой на такси.

К вопросу о выходе на яхте в шторм он относился не менее серьезно. На Кавказе много хороших дней с тихой и ясной погодой, когда на море если не полный штиль, то хотя бы легкие белые барашки, и на борту даже не чувствуется качка. Зачем же испытывать судьбу, когда можно просто отложить мероприятие? Погода нарушает планы? Значит, черт с ними, с планами, в конце концов жизнь дороже – так считал ее супруг и, несомненно, был прав. Подумав об этом и даже представив себе его суровое волевое лицо и жестикуляцию, Лариса успокоилась. Некто, погибший на яхте, не был ее мужем, просто не мог им быть. Произошла чудовищная ошибка. Стас скоро вернется и все объяснит. И ей нет нужды опознавать тело чужого мужчины. Разложив все по полочкам, во всяком случае, так ей показалось, она села на кровать, обхватив руками гудевшую голову.

* * *

Когда в калитку дачи позвонили, Красовская накинула красный халат, расшитый золотыми драконами, – подарок свекрови на свадьбу – и выскочила в предрасветные сумерки. Возле калитки Лариса увидела высокого симпатичного мужчину с мужественным лицом, широким носом и квадратным подбородком, подстриженного коротко, по-военному. Он сразу, не поздоровавшись, сунул ей под нос удостоверение.

– Я вижу, вы не последовали моему совету и не оделись, – недовольно сказал он. – Почему?

Она откашлялась, чтобы голос звучал как можно увереннее, но он все равно дрогнул, а щека предательски задергалась.

– Я не поеду с вами, потому что у вас в морге лежит не мой муж.

Майор посмотрел на нее. Его стальное лицо вытянулось:

– Почему вы в этом убеждены?

– Потому что Стас никогда не выходил на яхте в шторм, – произнесла Лариса, споткнувшись на слове «выходил». Господи, ну почему она сказала о муже в прошедшем времени? Он жив, это даже не обсуждается. – Не выходит, извините, – поправилась она. – Это одно из его правил. У вас есть правила, которые вы свято чтите?

Офицер усмехнулся, слегка растянув толстые, как гусеницы, губы:

– Уверяю вас, я никогда не приехал бы сюда на ночь глядя, если бы хоть каплю сомневался. Поверьте, у меня имеются веские доказательства, что в морге ваш муж. В его кармане мы обнаружили паспорт и водительское удостоверение. Если это не ваш супруг, как документы попали к нему? У вас есть разумное объяснение?

Лариса сжала кулаки, длинные ногти, как иглы, впились в кожу, и женщина почувствовала боль. Документы Стаса в пиджаке трупа. Бред... Как такое возможно?

– Его паспорт? Но этого не может быть...

Теперь в ее голосе явно слышались неуверенные нотки, и Никитин взял ситуацию в свои руки:

– Не лучше ли проехать со мной? Если по какой-то причине произошла такая чудовищная ошибка, мы принесем извинения.

Она послушно кивнула, поправив светлую прядь волос:

– Да, пожалуй, иначе вы от меня не отстанете. Подождите минутку.

Она не предложила ему подождать в доме – обойдется, взлетела на второй этаж, быстро сняла халат и надела легкое летнее платье, взбив густые, слегка выющиеся медные волосы, оттенявшие синие огромные глаза. Спустившись, Лариса заметила, что офицер сам пригласил себя в коридор и терпеливо ждал ее у картины какого-то крымского художника, фамилию которого женщина никак не могла запомнить.

– Я готова. – Она гневно сверкнула на него глазами, но полицейский не обратил на это внимания, лишь кивнул:

– Возле калитки стоит моя машина.

Красовская проследовала за ним. У ворот действительно припарковалась кремовая «Вольво», так себе машинка, не первой свежести, с заметными следами коррозии на капоте. Видимо, не так хорошо платят полицейским, как говорят, – отсюда и вековая коррупция в этих органах. Женщина нервно дернула ручку дверцы переднего сиденья, и следователь насмешливо спросил:

– Вы разве не хотите закрыть калитку?

– Стасу не понравится, если тут никого не будет. – Лариса поежилась от внезапно налетевшего с моря ветерка. – Когда он придет, я должна ждать его. А он скоро вернется. Пусть калитка останется открытой, чтобы он знал...

Никитин смотрел на нее явно как на сумасшедшую – расширенными от удивления глазами и с глупой полуулыбкой.

– Давайте сюда ключи, – распорядился он. Лариса послушалась и протянула ему связку. Он безошибочно нашел нужный, несколько секунд поковырялся в замке и вскоре усадил ее на сиденье рядом с водительским. Когда машина сорвалась с места, Сергей заметил:

– Эксперты установили, что мужчина мертв уже более двух суток. Если бы не пустынный дикий пляж, куда прибило его тело, его бы давно обнаружили. Ваш супруг звонил вам в течение двух последних суток?

– Нет, но это ничего не значит, – ответила Лариса, тяжело выдохнув. – Если вы наводили о нем справки, то знаете, что Стас – профессор, доктор исторических наук. Он часто ездит на конференции, которые порой организовываются в горах, где не ловит телефон.

Никитин наклонил голову, внимая каждому слову:

– Значит, он сказал, что едет на конференцию...

– Он сказал, что едет в командировку, – перебила женщина, словно удивляясь его тупости. Впрочем, с внешностью терминатора странно обладать мозгами. – Стас собирался в спешке и не рассказывал никаких подробностей. Кстати, поездки на конференцию он тоже называл командировками.

– Понятно.

– Что вам понятно? – вскипела Красовская. – Судя по всему, вам ничего не понятно. А если бы это было не так, вы бы немедленно отвезли меня назад, на дачу.

– Я уже сказал, у меня факты, – майор вздохнул, – и не моя вина, что в кармане трупа оказались документы вашего мужа. Вы зря кипятитесь, – добавил он уже более миролюбиво, но Лариса не хотела идти на компромисс, надула губы и отвернулась, всматриваясь в предрассветные сумерки и не отвечая на вопросы. В полном молчании они доехали до одноэтажного белого здания, по обеим сторонам которого, как верные стражи, стояли высокие стройные тополя. Майор притормозил у входа, выскочил из машины и, как галантный кавалер, открыл дверцу:

– Мы приехали.

Она помедлила, прежде чем выйти. Почувствовав, что женщина боится, Сергей дружески улыбнулся:

– Если вас поддержит мое присутствие...

Лариса дернула плечом:

– Нет, все нормально. Я поучаствую в опознании, если это необходимо. Ну и для того, чтобы доказать: вы ошибаетесь, майор.

– Дай бог, – философски заметил он, помогая ей выйти. – Смотрите, нас уже ждут.

На пороге стоял плотный круглолицый мужчина в белом халате, морщась от первых, таких неожиданных лучей солнца, заглядывавших ему в глаза.

– Привезли, Сергей Викторович? – поинтересовался он, посмотрев на Ларису. – Нашатырь нужен?

Она покачала головой:

– Нет, – и смело потянула на себя тяжелую дверь. Коридор окутал ее резкими запахами, от которых она чуть не потеряла сознание. Чертов формалин...

– Сюда. – Патологоанатом провел ее в комнату, где на каталке лежало накрытое простыней тело.

– Можно начинать? – поинтересовался он, бросив взгляд на майора. Тот кивнул:

– Да.

– Хорошо. – Врач откинул неестественно-белую простыню, и Лариса, собрав все силы, взглянула на неподвижно лежащего высокого мужчину. Его лицо превратилось в сплошной синяк и вспухло. Глаза, нос, рот, брови – все вздыбилось, напоминая бесформенную заготовку гипсовой маски. Узнать или не узнать Стаса просто не представлялось возможным. Женщина пробежалась глазами по белым, как простыня, рукам и, вскрикнув, упала на холодные плиты пола. Мужчины бросились к ней, приподняли, отнесли в другую комнату и уложили бесчувственное тело на кушетку.

– Вот тебе на, – протянул патологоанатом. – А говорит – нашатырь не надо.

– Ты не разглажься, приводи ее в чувство, – распорядился Сергей и добавил: – Ей-богу, она его узнала.

Врач быстро принес смоченную нашатырем ватку и сунул под нос Ларисе. Она глубоко вздохнула, закашлялась и открыла глаза.

– Как вы себя чувствуете? – ласково спросил майор. Она поморщилась, всхлипнула:

– Паршиво.

– Это ваш муж? Вы его узнали? – Майору меньше всего хотелось задавать ей вопросы. Красовская выглядела такой незащищенной, такой ранимой – случайно затерявшимся в мире взрослых ребенком. Он в который раз проклял свою работу:

– Вы его узнали?

– Да, – прошептала Лариса. – Искривленный мизинец на правой руке... Стас сломал его в горах, поздно обратился к врачу, и палец неправильно сросся. Можно было бы сделать операцию и выпрямить, но он не хотел. Это никак не влияло на его работу. Не сумки же носить...

«Господи, что я плету?» – пронеслось у нее в голове, и женщина произнесла более твердо:

– Вы правы, это мой муж. – Она попыталась встать, но ее качнуло, и Лариса чуть не упала на свежевывмытые плиты пола.

Сергей вовремя подхватил ее:

– Пойдемте отсюда. Я отвезу вас на дачу.

– Нет! – вскрикнула она. – Только не туда, умоляю вас.

– Как скажете, – согласился Никитин. – Куда же?

– На квартиру. – Она назвала адрес и, испуганно моргая, спросила: – Когда я смогу забрать его?

– Наверное, через день, – отозвался майор, пожав борцовскими плечами, – будет проведена экспертиза. Хотя у меня нет никаких сомнений, что ваш муж – утопленник, положено заключение судмедэксперта.

Лариса закивала:

– Да, да, я понимаю.

Машина помчалась к центру города. Женщина уже не выглядела надменной, она напоминала воробья, запутавшегося в силках и почти смирившегося с судьбой.

– Скажите, какие вещи нашли при моем муже? – поинтересовалась Лариса, сдерживая дрожь в голосе, и, решившись, выпалила: – И еще. Он был один на яхте?

Майор посмотрел на нее с интересом:

– Один? Да, один. А почему вы спрашиваете?

Ей показалось, что он что-то скрывает, и многолетние подозрения снова заполнили ее измученную душу.

– Прошу вас, ничего не утаивайте от меня.

– Почему вы решили, что я что-то утаиваю? – удивился Никитин. – У меня и в мыслях такого не было.

Она отвернулась к окну и промолчала.

– Почему же вы так решили? – уточнил он.

– Я уже говорила, что мой муж никогда не вышел бы на яхте в шторм, – пояснила женщина. – Это было одним из его табу. Наверное, он нарушил бы его в случае, если бы его кто-нибудь об этом попросил. Кто-то очень близкий и дорогой.

– Возможно, – не стал спорить Никитин. – Но в данном случае мне ничего не известно о его спутнике.

Автомобиль подъехал к трехэтажному старому дому сталинской постройки и остановился у среднего подъезда.

– Здесь? – спросил майор.

– Да, спасибо вам. – Она сама открыла дверцу, не дожидаясь, пока офицер поможет ей. – Вы сообщите мне новости?

– Конечно. – Он наклонил голову. – До встречи. Если я вам понадобится раньше, вот, звоните. – Сергей протянул ей визитку.

Лариса послушно, будто на автомате, взяла ее двумя ледяными пальцами и отозвалась, как эхо:

– До встречи.

Открыв дверь подъезда и вдохнув едкий запах моющих средств (уборщица уже заканчивала мыть лестницу), она, подумав о том, что муж обязательно закашлял бы – аллергик, он не переносил такие ароматы, – словно робот, стала подниматься на второй этаж. Навстречу ей уже спускались соседи, спешащие на работу, но Красовская никого не видела и не отвечала на их приветствия. Для нее все померкло со смертью мужа. Она не заметила, как оказалась у своей двери, как открыла ее и вошла в квартиру, залитую тишиной, зловещей, не предвещающей ничего хорошего. Очнувшись от забытья, женщина подумала, что такая тишина с сегодняшнего утра навсегда поселится в ее доме, будет преследовать до конца ее дней, но ошиблась. Звонок городского телефона словно разорвал квартиру на мелкие кусочки.

Лариса неторопливо подошла к аппарату и подняла трубку:

– Слушаю.

В ответ не раздалось ни звука, на том конце молчали. Не было слышно даже дыхания.

– Кто это? Говорите.

Ее требование осталось без ответа. Она с раздражением бросила трубку.

– Что за дурацкие шутки. У кого хватает совести...

Телефон снова зазвонил так же настойчиво, как и в первый раз, и женщина истошно крикнула, нажав на кнопку вызова:

– Или говорите, или прекращайте меня беспокоить!

– Лариса? – услышала она негромкий голос золовки, сестры Стаса Милены. – Что с тобой?

– Это ты звонила минуту назад? – задыхаясь, спросила женщина.

– Минуту назад я набирала номер, – пояснила Милена. Лариса скрипнула зубами:

– Значит, какой-то идиот.

– Да, нынче их много развелось, – согласилась золовка. – Ты извини, что я так рано. Мне срочно понадобился мой братец. Надеюсь, он уже вернулся с пробежки?

Ей было известно о привычках Стаса. В половине шестого братец уже совершал утреннюю пробежку – тоже своего рода ритуал, которому он никогда не изменял, бежал в любую погоду, а в шесть со стаканом чая – очень крепким, заваренным до черноты – изучал научные статьи.

Лариса хотела ответить, но ком в горле помешал это сделать, вызвал нервный кашель, и Милена поинтересовалась:

– Он рядом с тобой?

– Его нет, Милена. – Лариса собралась с силами и крикнула в трубку: – Его больше нет!

– Как? – Его сестра прерывисто задыхалась. – Ты что такое говоришь?

– Стаса больше нет, – повторила Лариса уже более спокойно, хотя каждое слово давалось ей с трудом. – Он утонул, катаясь на яхте.

– Утонул? Что за чушь? – Милена не верила, не хотела верить. – Как он мог утонуть?

Для нее это тоже было дико и непонятно. Брат с детства плавал как рыба.

– На море был шторм, – пояснила женщина, до крови закусив губу. – Яхта перевернулась...

– Перевернулась? Но это невозможно. – Золовке по-прежнему казалось, что Лариса грубо шутит. – Ты сама прекрасно знаешь, что он никогда бы не вышел в шторм. Месяц назад я просила его прокатить нас с Вадимом, но Стас отказался: объявили штормовое. Лариса, если вы со Стасом договорились разыграть меня, то это глупая шутка.

– Я повторяю, твой брат мертв и сейчас лежит в морге, – закричала Лариса, смахивая рубиновую бусинку крови. – Я не шучу. Если хочешь, я скажу тебе адрес. Поезжай и проверь.

Милена словно захлебнулась:

– Значит, это правда. Я немедленно приезжаю к тебе.

В трубке раздались гудки. Положив ее рядом с аппаратом, Красовская вернулась в комнату и села на диван, накрытый коричневым покрывалом с тиграми. Когда-то это покрывало... Не надо, не сейчас... Она радовалась, что скоро приедет Милена. Меньше всего ей хотелось быть одной, в этой удушливой тишине, раздиравшей сердце.

Сестра Стаса обладала способностью не терять спокойствие даже в самых сложных ситуациях. А сложных ситуаций намечалось слишком много. Взгляд Ларисы упал на большую фотографию, стоявшую на полке. На ней они со Стасом, молодые и счастливые, смотрели в объектив. Казалось, с момента их знакомства прошло много лет. Она вспомнила теплый майский вечер, набережную и неторопливо идущих по ней нарядных людей.

Откуда-то из припаркованной неподалеку машины звучал голос Кати Лель: «Мой мармеладный, я не права». Улыбаясь незатейливым словам, Лариса села на скамейку, подставив лицо лучам ласкового солнца. Когда рядом с ней примостился какой-то мужчина, девушка даже не посмотрела на него. Она не хотела, чтобы кто-то, как снаряд, врвался в ее мысли, нарушал спокойствие.

– У вас есть мармеладный? – тихо спросил он, наклонившись к ней. Лариса встрепенулась:

– Что?

– Я спрашиваю, у вас есть мармеладный? – повторил незнакомец, и, взглянув на него, Лариса отметила: он был молод и красив – вылитый голливудский актер (тогда она еще не слышала про Тома Круза), крепкий, черноволосый, большеглазый, с длинными ресницами, обрамлявшими черные влажные глаза.

– Вам есть до этого дело? – поинтересовалась она.

– Есть, раз спрашиваю, – улыбнулся незнакомец. – Так да или нет?

Меньше всего Ларисе хотелось знакомиться вот так, на улице. Разве порядочный человек станет знакомиться на улице? Пусть этот господин идет куда шел. Она встала и поправила платье, белое, в красный горошек. Незнакомец схватил ее за руку:

– Куда вы?

На душе как-то сразу стало спокойно. Она уже не помнила, что отвечала. Память запечатлела только, что мужчина, представившись, отправился ее провожать и по дороге стал рассказывать о своей специальности. Лариса с удивлением услышала, что они коллеги. Она тоже окончила истфак и собиралась работать в школе учителем. Со Стасом было легко и интересно. Он сразу загрузил ее фактами, касавшимися истории городов Причерноморья – от легенд до реалий. Лариса не заметила, как они дошли до ее дома. На прощание Стас попросил телефон. И вскоре их роман разгорелся со страшной силой. Через год молодые люди поженились, и женщина считала себя счастливой. Омрачало счастье только отсутствие детей... Нет, она все время напоминала, что их семье необходимо пополнение. Стас же хотел сделать карьеру и расширить жилплощадь. Его «подожди и потерпи» затянулось на годы. Теперь, оставшись в одиночестве, она понимала, какую сделала глупость, согласившись со Стасом, посвятив ему свою жизнь – в школе проработала всего два года и уволилась по его просьбе – и откладывая «на потом» рождение ребенка. О детях нельзя говорить – «на потом».

От горестных мыслей Ларису оторвал звонок в дверь. Разливавшийся колокольным звоном, впервые за многие годы он показался ей резким, пронзительным, щекочущим нервы, и она удивилась, как терпела его столько лет. С трудом встав с дивана, женщина медленно пошла к входной двери и открыла ее, даже не поинтересовавшись, кто за ней. На пороге стояла Милена,

полная, черноволосая, чем-то похожая на брата, но – странно – некрасивая, непривлекательная, с тревогой в больших карих глазах.

– Ларочка! – Она бросилась к хозяйке и заключила ее в свои объятия. Подмышки женщины остро пахли потом, и Лариса поморщилась. Золовка не отличалась аккуратностью.

– Ларочка! – всхлипнула Милена. – Значит, это правда?

– Да, это правда. Мне выдадут его тело через день.

– А я так надеялась, что вы меня разыгрываете. – Она скинула белые летние босоножки, вошла в комнату и без спроса плюхнулась в кресло, лишь на мгновение закрыв глаза. Лариса знала, что ей понадобится всего несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– Значит, послезавтра тебе отдадут тело, – констатировала Милена. – А сегодня мы поедем с тобой в похоронную контору. У тебя есть что-нибудь на примете?

Женщина охнула:

– Да что ты такое говоришь? Зачем мне до сегодняшнего дня была нужна похоронная контора?

– Значит, нет. – Гостья сцепила большие мужские руки. – Ладно, это не проблема. Вадим что-нибудь подберет. Нам с тобой нужно будет выбрать гроб. Кстати, – вдруг заинтересовалась она, – у тебя есть деньги?

– Я не знаю, – растерялась Лариса. Милена вытаращила глаза и открыла рот, сразу став похожей на только что выловленную большую рыбу.

– Как так – не знаю?

– Всеми финансами заведовал Стас, – призналась женщина. – Я ведь не работала.

– Он что, выдавал тебе только на карманные расходы? – удивилась Милена. – Никогда не думала, что мой братец...

– Нет, ты не так поняла, – перебила ее Лариса. – Он давал мне столько, сколько я хотела. Но я ни в чем не нуждалась, понимаешь? Он сам покупал мне платья, привозил продукты и говорил, что хочет съесть за обедом и ужином. Нас обоих устраивало такое положение вещей.

– Ну если только так, – протянула Милена. – Значит, на данный момент у тебя ни копейки. Может быть, Стас куда-нибудь складывал деньги? Так, на всякий случай. На случай длительной командировки, например. Он ведь часто уезжал на поиски артефактов.

– Не знаю. – Лариса беспомощно развела руками. – Ничего не знаю.

– Ну ты даешь. – Золовка вскочила с дивана и принялась ходить по комнате. – Впрочем, быть не может, чтобы у вас дома не было ни полушки. Давай поищем. Наверняка где-то лежит его борсетка с купюрами.

– Иногда он оставлял мне деньги в старой коробке из-под конфет, – прошептала Красовская. – Она всегда лежала на старом пианино.

Милена подошла к допотопному немецкому фортепиано, так нелепо смотревшемуся на фоне современной мебели.

– Эта, что ли?

Она помахала жестяной из-под леденцов, на крышке которой красовался пудель с высушенным кумачовым языком:

– Нашли куда складывать деньги. Знаешь, сколько воров ходит сейчас по домам под видом сантехников или слесарей?

– Стасу нравились такие коробки. – Лариса открыла крышку, никак не отреагировав на слова золовки. – Так и знала. Здесь ничего нет.

– Здесь нет, поищем в другом месте. – Сестра Стаса деловито обшарила каждый угол, пролистав каждую книжку, затратив на поиски около получаса. Было видно, что она дока в этом деле – отыскивать припрятанную мужем зарплату. – Ты права, подруга. Мой братец ничего не оставил перед конференцией.

– Он ведь не думал умирать! – выкрикнула вдова.

– Верно, – согласилась с ней Милена. – И что делать? Нас ожидают похороны, а это всегда большие расходы. Негоже, чтобы моего единственного брата похоронили как попало.

– Может быть, кафедра, на которой он работал столько лет, соберет деньги? – предположила Лариса неуверенным голосом.

Милена махнула рукой:

– Как же, держи карман шире. Нет, пару тысяч они, может быть, и соберут, но этого хватит только на один венок.

Лариса захрустела пальцами.

– Ты тысячу раз права, Милена. Но что же мне делать? У меня совсем нет родственников. И богатых знакомых нет.

Золовка обняла ее.

– Мы с Вадиком поможем, – пообещала она, – хотя ты и не подумала о нас как о родственниках. Мы одолжим тебе деньги, а ты отдашь, когда они у тебя появятся.

– Но, наверное, нужно очень много, – произнесла Лариса.

– Это не твоя забота, достанем, – пообещала Милена. – Тебе позвонят, когда забирать тело? – Она споткнулась на последнем слове, – тело... Наверное, я до конца жизни не привыкну говорить о своем брате как о мертвом.

– Да, – проговорила Лариса. Милена кивнула и направилась в прихожую. Необходимость взять все в свои руки придала ей силы. Лариса послушно, как собачонка, бежала следом.

– Позвонишь. – Милена натянула босоножки и крикнула: – Ох, проклятый живот. Похудеть бы, да не получается. Последнее время Вадим предлагает мне застегивать босоножки, но я пока не позволяю. Нужно худеть. Ладно, давай. – Она порывисто обняла Ларису и поцеловала. – Жду звонка.

Закрыв за ней дверь, женщина снова вернулась в гостиную. Упоминание Милены о расходах вернуло ее к реальности. Что же получается? Потеряв Стаса, она осталась без средств к существованию. Завтра ей будет нечего есть, а послезавтра... Как жить? На всем белом свете у нее были только Милена и Вадим, но у них, считай, она уже заняла довольно крупную сумму. Она знала, что сумма получится крупной: в последнее время в средствах массовой информации часто говорили о том, как дорого умирать. Но тогда об этом никто не думал. И в самом деле, зачем было думать? Они со Стасом молоды и здоровы. А получилось... Господи, деньги, деньги, везде деньги... В ближайшее время ей никак не отдать долг. Она ведь не работает... Завтра нужно будет пойти в ГОРОНО (или теперь эти отделы образования называются как-то по-новому? Ей давно не приходилось там бывать – не было нужды). Впрочем, какая разница, как они называются. Она пойдет и узнает, нужны ли учителя истории. Истории, которую она почти забыла. Когда-то учителей не хватало, но как обстоят дела теперь?

Лариса вскочила и заметалась по комнате, лихорадочно соображая, где лежит ее трудовая книжка. Педстаж Красовской был невелик – всего два года. Что, если школа не захочет приобрести тридцативосьмилетнего учителя, который работал пару лет? Трудовую книжку Лариса, конечно, не нашла. Несомненно, она валялась где-то на полке или на антресолях как ненужная вещь, но женщина не стала продолжать поиски. Она почувствовала, как на нее навалилась усталость, и тяжело опустилась на диван. Слегка кружилась голова. Иногда у Ларисы понижалось давление, и для того, чтобы взбодриться, она выпивала чашку кофе со сливками. Это следовало сделать и сейчас. Усилив воли женщина заставила себя встать и пойти на кухню. Она включила электрический чайник, достала банку кофе и открыла холодильник. Он был пуст. Хлебница на столе хранила сиротливый кусок сухого хлеба. Остатки сливок прокисли. Есть Ларисе не хотелось, но она подумала о том, что завтра, послезавтра, дня через три ей все равно захочется есть, а она не сможет купить себе даже хлеба. На даче оставались какие-то продукты: хлеб, колбаса, остатки жаркого, мешки с прошлогодней картошкой. Но этого тоже хватит ненадолго. Что же делать?

Не обращая внимания на шипение чайника, который возвещал о готовности, Лариса бросилась в комнату и открыла заветную лакированную шкатулку из какого-то восточного дерева. Стас привез ее из вьетнамской командировки. Она решила продать некоторые драгоценности. В свое время Стас подарил ей несколько золотых гарнитуров и колечек с бриллиантами, и от парочки можно было избавиться. Память памятью, но жить-то надо... Возможно, вырученных денег хватит до конца лета, а там она постарается устроиться на работу.

Но что это? Деревянная шкатулка, черная, с желтыми стеблями бамбука, вылетела из ее рук и, ударившись о пол, развалилась на две половины. Она была пуста, пуста, как новый финский холодильник на кухне. Стараясь унять дрожь, женщина подняла ее и еще раз все осмотрела, словно стараясь найти золото под ее обломками. Разумеется, нигде ничего не было.

Лариса почувствовала, как теряет сознание, и, стараясь удержать равновесие, схватилась за спинку кресла. Дней пять назад, еще до отъезда на дачу, она вытирала пыль и заглядывала внутрь шкатулки. Все лежало на месте – все до последнего колечка. Теперь драгоценности исчезли, и женщина ничего не понимала. Ключи от квартиры были только у нее и Стаса. Стас не брал. Она тоже. Домработницу они не держали. Остаются воры. Но дверной замок никто не взламывал, значит, дверь открыли родным ключом. Как такое могло случиться?

Она провела рукой по вспотевшему лбу и села в кресло. Злая судьба оставила ее совсем одну и без средств. Что же делать? Может быть, позвонить следователю? Он называл свою фамилию, кажется, Никитин. Имени она не помнила. И, кажется, он оставлял визитку.

Стараясь справиться с головокружением, Красовская вышла в прихожую и взяла сумочку. Визитка действительно оказалась там, на самом дне, рядом с футляром губной помады – маленький картонный прямоугольник. Лариса положила ее перед собой на стол и приготовилась набирать номер, но мобильный вдруг сам разразился мелодией Бетховена, не дожидаясь, пока хозяйка нажмет нужные цифры. Дисплей уведомил, что звонила Милена.

«Наверное, по поводу похоронной конторы», – подумала Лариса и не ошиблась. Золовка сразу затараторила:

– Милая моя, я нашла приличную похоронную компанию. Мне посоветовал Вадим. На днях его товарищ хоронил мать и дал ему все необходимые адреса. На улице Отрадной есть такая контора «Доверие». Ты что-нибудь слышала о ней?

– Ничего, – призналась Лариса.

– Неважно, – отмахнулась Милена и продолжила: – Ее рекомендуют приличные люди. Она работает с восьми часов, и я уже позвонила туда. Можем подъехать прямо сейчас и выбрать гроб и венки.

– Я прошу тебя, давай не сегодня, – жалобно промолвила женщина. – Сегодня столько всего произошло.

Сестра Стаса обиженно засопела:

– Думаешь, мне легче? Я потеряла единственного брата. И теперь мой долг перед ним – как и твой, кстати, – достойно предать его земле. Я не принимаю никаких возражений и сейчас заеду за тобой. Потом мы отправимся в столовую «Красный мак». В ней еще со времен Советского Союза справляют поминки.

– Ладно, – согласилась Лариса. – Приезжай.

Глава 2

Синопа, II век до н. э.

Верный своему решению по возможности не спускать глаз с матери, Митридат украдкой наблюдал за ней, когда ему это удавалось. К сожалению, день мальчика, уже коронованного на царство, был расписан по минутам, и ему нечасто приходилось преследовать Лаодику. Впрочем, мать вела себя как всегда: следила за домом, занималась детьми, особенно болезненным братом, еще жившим на женской половине дворца. И лишь однажды он застал царицу, которая с вороватым взглядом, так не шедшим к ее красивому уверенному лицу, копошилась возле кубка отца. Валерия уже налила в него вина и выставила на маленький столик, готовя трапезную к ужину. О том, что Лаодика могла плеснуть туда что-то из коричневого сосуда, данного ей Мнаситеем, Митридат подумал позже, когда отец внезапно заболел и умер за считанные дни. Это показалось странным не только ему, и по дворцу поползли слухи, обвинявшие супругу царя в его смерти.

Он продолжал наблюдать за матерью, и ее громкие истерики и обильные слезы казались театральными. Публичная расправа с рабыней Валерией прямо на ступеньках дворца (Лаодика одним взмахом меча отрубил несчастной голову, и та покатила по мраморным ступенькам, как мяч, подметая их иссиня-черными волосами) тоже не впечатлила. Так горюют уличные артисты, раскошелливая толпу, и получается у них лучше.

Но могла ли эта женщина действительно убить его отца? Человека, который любил ее, исполнял каждое желание? В это верилось и не верилось. Не прошло и недели после смерти Митридата Эвергета, как Лаодику окружили люди, ратовавшие за союз с римлянами. Когда подросток, напомнив о том, что он когда-нибудь займет место отца, укорил мать и ее окружение в почитании римлян, за завтраком ему поднесли вино, издававшее какой-то странный запах. Царевич сначала хотел посоветоваться с Тирибазом, но, перехватив пристальный взгляд матери и сестер и не решаясь показаться трусом, сделал хороший глоток и отставил кубок. Странное вино обожгло горло, каленым железом проникло в пищевод, и мальчик сполз с апоклинтра, корчась от нестерпимой боли. Царица равнодушно взирала на страдания сына, сестры оторопели, не зная, что делать, и лишь верный Тирибаз, схватив ребенка, понес его на воздух.

– Дайте воды, много воды! – прокричал он ошарашенным рабыням и, уложив несчастного Митридата под оливу, взял в свои руки его ледяные ладони. Ребенок тяжело дышал, глаза его затуманились.

– Митридат, Митридат, – приговаривал наставник, поглаживая его волосы. – Потерпи немного, сейчас, сейчас...

Рабыня принесла два глиняных сосуда, доверху наполненных водой, и Тирибаз, приподняв голову подростка, начал поить его. Митридат уже не чувствовал боли. Он погрузился в мир цветных снов и спокойствия, однако громкий голос Тирибаза мешал ему.

– Не кричи. – Мальчику показалось, что он сказал эти слова громко, но наставник их не услышал. Он продолжал вопить «пей» и вливать воду в узкую щель рта. Митридат покорно осушил сосуды, сам удивляясь, как это у него получилось, и его вырвало прямо во дворе. Блаженное чувство безмятежного спокойствия отступило. Подросток почувствовал, как наставник поднял его и понес в покои.

– Отравить ребенка! – шептал он, и каждое слово больно отдавалось в воспаленном мозгу мальчика. – До чего дошли! Но мы вам не позволим это сделать.

Митридат хотел спросить, кто же отравители, но язык, казавшийся тяжелым, мешал ему, глаза слипались. Он погрузился в сон, но не опасный, грозящий смертью, а дающий жизненные силы.

С этого дня Тирибаз не отходил от ребенка. Он лично проверял кушанья и питье мальчика, не спускал с него глаз, но однажды не пришел к нему в спальню ночью, и раб, убиравший помещение, сказал, что Тирибаза и еще нескольких преданных Митридату Эвергету людей бросили в темницу. У мальчика появился новый наставник, краснолицый пучеглазый македонец Амон, кичившийся перед царевичем своим искусством наездника.

– Как плохо учил тебя Тирибаз, – смеялся он, гарцуя на гнедом в белых яблоках коне. – Твой дед и отец седлали необъезженных лошадей, укрощали их, мчались на врагов и метали в них копыя. А сможешь ли ты сделать то же самое?

Горячая кровь родственника Александра Македонского заиграла в жилах Митридата. Да, он еще никогда такого не делал, Тирибаз хотел, чтобы воспитанник постепенно постигал азы верховой езды. Хорошо это или плохо – жизнь покажет. Его всегда учили чтить память предков, значит, он должен быть достойным их.

– Смогу, – бросил Митридат в лицо Амону, сразу невзлюбив его. – Ведите коня.

Новый наставник оскалится как-то злобно, недоброежелательно и вскоре привел молодого вороного жеребца, гладкого, необъезженного, с высокими тонкими ногами.

– Это Буцефал, – усмехнулся он в рыжие усы. – Мы прозвали его как коня твоего далекого предка, Александра Македонского. Гляди, какой красавец.

Конь и правда был красив. Он шумно дышал, широко раздувая ноздри, будто чувствуя чужака, который хочет посягнуть на его свободу. Он бил копытом о камень, и Митридату казалось, от камня во все стороны летели искры. Амон ловким движением накинул уздечку на стройную шею и повернулся к мальчику:

– Давай, царь, попробуй, покажи, на что способен.

Нехорошее предчувствие кольнуло сердце, выбило холодный пот, но подросток справился с волнением. Если он откажется, проявит хотя бы каплю трусости, этот мерзкий человек растрезвонит на весь дворец. Да что там дворец! Вся страна узнает, кто сядет на трон. Подойдя к коню, Митридат потрепал его по гладкой шее. Конь задышал еще шумнее, кося на незнакомца огромным, налитым кровью глазом. Подросток взял уздечку:

– Не бойся, – приговаривал он, делая круг. Буцефал спокойно шел за ним. Митридат сделал второй круг и, решив, что время настало, изловчился и запрыгнул на спину вороного и, стуча пятками по его бокам, протянул руку за дротиком. Но Амон не успел ничего подать своему господину. Жеребец громко заржал, будто протестуя, встал на задние ноги, дернулся всем стройным телом и скинул Митридата на землю. Мальчик потерял сознание, больно ударившись виском о небольшой земляной холмик.

* * *

Лаодика с распущенными черными волосами сидела в углу спальни, нервно крутя бусы из жемчуга. Любовное ложе на этот раз пустовало. Мнасителей, почесывая бороду, примостился в углу. В его черных узких глазах светилось торжество.

– Говорят, твой сын оч-чень плох после падения с лошади, – усмехнулся он. – Мальчишке надо быть поосторожнее. Какого черта он стал объезжать жеребца с норовом?

Его голос звучал фальшиво до предела, и Лаодика не выдержала:

– Разве твой сообщник не науськивал Митридата, чтобы он попробовал это сделать? Из-за вас я могу потерять сына!

Мнасителей оскалится, сразу став похожим на хищного вепря.

– А тебе этого очень не хочется?

Лаодика топнула ногой, обутой в изящную сандалию, ее щеки сделались пунцовыми:

– Как ты смеешь мне такое говорить? Я никогда не просила убивать своего сына! Завещание подделано, я опекуниша всех детей. Лаодика-старшая скоро выйдет замуж, как хотел мой супруг. Большие мне ничего не нужно.

– Неужели? – Мнаситей подошел к ней и взял за руку, которую женщина тут же выдернула. – И тебе будто невдомек, что тебя ненавидит народ и большинство царедворцев, считая повинной в смерти мужа? Зачем ты приказала казнить его родню? Теперь персы спят и видят тот момент, когда на трон сядет Митридат. Если с ним ничего не случится, ты недолго поцарствуешь, обещаю. В Синопе вспыхнет восстание, и они сметут тебя.

Женщина скрестила руки на груди.

– Но что же делать? – спросила она, ни к кому не обращаясь. – Я не хочу быть причиной гибели сына. Он все же мой сын.

– Тогда он станет причиной твоей гибели, – заметил Мнаситей. – Известно ли тебе, дорогая госпожа: в бреду твой сыночек рассказывает, что видел, как ты убивала отца – подливала в вино яд из коричневого сосуда?

Царица подняла руками волосы, подстриженные до плеч:

– Но как он мог...

– Вероятно, следил за тобой, – усмехнулся Мнаситей. – Нужно быть осторожнее, моя дорогая. Теперь представляешь, как отреагирует общественность, когда слова Митридата станут ее достоянием?

Губы Лаодики, сочные, полные, шевельнулись:

– Врач расскажет... Если уже не рассказал...

– О враче я позабочусь, – успокоил ее Мнаситей. – Что же касается твоего сына... Дело уже сделано. Врач говорит, Митридат очень плох. Тирибаза нет рядом, и мальчишке никто не оказывает помощь. Рабыни не носят ему еду и питье. Он не проживет и двух дней, вот увидишь.

Царица молчала. Ее синие глаза изучали прожилки на мраморном полу. Мнаситей почувствовал, что она понимает его правоту. Когда речь идет о власти, родственные связи не имеют значения.

* * *

Митридат в жару метался по влажной подушке, глотал пот, дышал его испарениями. Ему уже случалось болеть, и тогда рабыни протирали его тело холодной водой и благовониями. На этот раз он лежал в комнате уже четыре дня, и к нему подходил только один человек, врач, чтобы пощупать пульс. Митридат, находясь в полузабытыи, понимал, что умирает, но звать на помощь не хватало сил, и он лишь обреченно стонал, ожидая вестника наступления смерти – крылатого бога Таната. Когда глубокой ночью кто-то приложил к его пересохшим губам чашу с холодной водой и обтер лоб, ему показалось, что Танат уже перенес в царство мертвых его душу, и теперь черед Харона, который никогда не отказывал просившим перевести их через мрачные воды Стикса.

Харон склонился над ним, и Митридат собирался поблагодарить старика за его доброту.

– Спасибо, Харон.

– Ты пока в царстве живых, – послышался знакомый голос, и Тирибаз аккуратно взвалил на плечи обмякшее тело. – Теперь я с тобой, мне удалось бежать из заточения. Прошу тебя, мой господин, постарайся молчать. Во что бы то ни стало нам нужно покинуть дворец, иначе встреча с твоим отцом в царстве Аида не за горами.

Митридат улыбнулся, закрыл глаза и снова провалился в небытие. Его привели в себя капли дождя, бесцеремонно падавшие на лицо. Мальчик открыл глаза и увидел перед собой довольное смуглое лицо Тирибаза.

– О боги! – воскликнул царедворец. – Благодарим тебя за спасение нашего царя!

Ему вторили еще несколько голосов. В предутренней дождевой мгле подросток смог разглядеть царского виночерпия Моаферна и конюха Сисину, облаченных в панцири и шлемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.